

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Купити книгу на сайті kniga.biz.ua >>>

Книги
ДЭВИДА МИТЧЕЛЛА,
опубликованные
издательской группой
«Азбука-Аттикус»

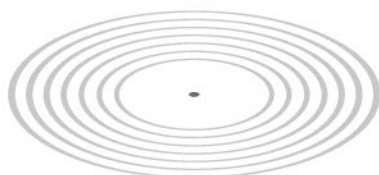


Голодный дом
Облачный атлас
Тысяча осеней Якоба де Зута
Костяные часы
Утопия-авеню

Купити книгу на сайті kniga.biz.ua >>>

ДЭВИД
МИТЧЕЛЛ

УТОПИЯ-
АВЕНЮ



Издательство «Иностранка»
МОСКВА

Купити книгу на сайті kniga.biz.ua >>>

Я считаю Чехова своим святым покровителем. Конечно, так думают многие писатели, но я читаю Чехова каждый год. Он напоминает мне о том, что самое главное в литературе — это не идеи, а люди. Очень люблю Булгакова. Он достаточно популярен в англоязычном мире. Булгаков очень изобретателен, и у него большое «чеховское» сердце. Например, Набоков тоже изобретателен, но у него «платоновское» сердце. Его волнуют идеи, а не люди. Ну и конечно же, Толстой. Например, «Анна Каренина» — 700 страниц, но не скучно ни на секунду, Толстой умудряется оставаться увлекательным даже на такой большой дистанции.

Дэвид Митчелл

Сравнения Митчелла с Толстым неизбежны — и совершенно уместны.

Kirkus Reviews

Митчелл — один из лучших писателей современности.

San Antonio Express-News

Гениальный рассказчик. Возможно, именно Дэвид Митчелл окажется наиболее выдающимся британским автором нашего времени.

Mail on Sunday

Замечательная книга! Два дня не мог от нее оторваться...

Брайан Ино

Классный рок-н-рольный роман — чистосердечное признание в любви к гениальной музыке. Именно такой книги и не хватало рок-н-роллу.

Тони Парсонс

Гигантский электрический мозг Митчелла создает уникальный сценарий, устанавливая связи между Японией эпохи Эдо и далеким апокалиптическим будущим. Грандиозный проект, великолепно испол-

Купити книгу на сайті kniga.biz.ua >>>

ненный и глубоко гуманистический. «Утопия-авеню» — на удивление пророческое название для романа, потому что сейчас, в 2020 году, мысль о том, чтобы встречаться, записывать альбомы, выступать с концертами и создавать сценений, действительно кажется утопической. И все-таки в один прекрасный день мы с вами вернемся в райские кущи...

Los Angeles Times

Непрерывное наслаждение... Яркий, образный и волнующий портрет эпохи, когда считалось, что будущее принадлежит молодежи и музыке. И в то же время — щемящая грусть о мимолетности этого идеализма... «Утопия-авеню» подтверждает, что настоящий талант — а возможно, и гениальность — Митчелла заключается в его умении пересказывать старые истины новыми, неожиданными способами...

Spectator

Захватывающее, бурное, увлекательное повествование с искрометными диалогами... и рассуждениями о природе творчества, также затрагивает темы психического здоровья, бытового насилия, войны во Вьетнаме, скорби, родительской ответственности и отношения общества к независимым женщинам-музыкантам в недавнем прошлом. В своем новом романе Митчелл бесстрашно пытается раскрыть непостижимые тайны музыки и ее влияния на людей.

Independent

Митчелл избрал для своего нового романа линейный нарратив и отринул литературные пируэты, однако же с невероятной точностью передал дух конца 1960-х годов и создал правдоподобных персонажей... Описание концертов и выступлений воспроизводит дурманящую, головокружительную атмосферу живого звучания... Митчелл бережно, с пронзительной точностью воссоздает для нового поколения крошечный отрезок прошлого во всем его эфемерном великолепии. «Утопия-авеню» добивается того же эффекта, что и музыка: она объединяет время.

Daily Telegraph

Митчелл умело вскрывает глубинные пласты человеческих страстей и убедительно показывает, как из дерзких стремлений и счастливой случайности возникает фундамент будущей славы... С первой же страницы погружаешься в стремительный поток повествования и с огромным удовольствием читаешь этот захватывающий, мастерски написанный роман...

Guardian

Купити книгу на сайті kniga.biz.ua >>>

Поразительно, с какой правдоподобностью роман воссоздает эпоху и как глубоко раскрывает темы творчества и тонкостей исполнительского мастерства...

Sunday Times

В безудержном воображении Митчелла история переплетается с вымыслом в головокружительно пьянящей смеси Карнаби-стрит с отелем «Шато Мармон»...

The Washington Post

Насыщенный и гибкий стиль изложения доставляет невероятное удовольствие... как поездка в открытом кабриолете по голливудским бульварам...

Slate

Митчелла сравнивали с Харуки Мураками, Томасом Пинчоном и Энтони Берджессом, но на самом деле он занимает особое место в литературном ландшафте. Восемь его книг экспериментальны, но удобочитаемы. Его предложения лиричны, но повествование стремительно мчится вперед. Под наслоениями аллюзий и необычных конструкций скрывается прозрачный нарратив. В созданной Митчеллом фантастической метавселенной его интересуют общечеловеческие проблемы: как за отпущенный нам краткий срок раскрыть свой потенциал и понять, кто ты и как связан с окружающими.

Time

Творчество Митчелла отличается жанровым и стилистическим многообразием, но его проза всегда кристально ясна и динамична, однако больше всего впечатляет его способность описывать от третьего лица измененные состояния сознания — физические и психические страдания, безумие... Банальный рассказ о становлении рок-группы превращается в историю, происходящую в совершенно ином измерении...

The New Yorker

Британская поп-фолк-рок-группа «Утопия-авеню», о которой повествует роман, кажется настолько реальной, что одному критику (не будем называть его имени) пришлось ее погуглить, дабы удостовериться, что она — плод авторского воображения.

AARP

«Утопия-авеню» — настоящий роман о роке: в нем есть секс, наркотики и разбитые мечты, а вдобавок камеи Джона, Джерри, Дженис и Леонарда.

The Philadelphia Inquirer

Митчелл слышит музыку окружающей действительности и, не сбиваясь с ритма, глубоко погружается в нее.

Booklist

Изысканная интерпретация строк из песен реальных исполнителей и описания выступлений вплетены в искрометное, жизнерадостное повествование... Митчелл на пике литературной формы...

Publishers Weekly

Новый роман Митчелла особенно понравится тем, кто любит музыку 1960-х годов и современную литературу.

Kirkus Reviews

Настоящий рок-н-рольный роман.

Evening Standard

Дэвид Митчелл не столько нарушает все правила повествования, сколько доказывает, что они сковывают живость писательского ума.

Дин Куниц

Дэвиду Митчеллу подвластно все.

*Адам Джонсон
(лауреат Пулицеровской премии)*

Дэвид Митчелл давно и по праву считается одним из лучших — если не самым лучшим современным писателем, который способен держать читателя в напряжении каждой строчкой и каждым словом...

Джо Хилл

Околдовывает и пугает... истинное мастерство рассказчика заключается в том, что Митчелл пробуждает в читателе неподдельный интерес к судьбе каждого из героев.

Scotland on Sunday

Дэвида Митчелла стоит читать ради замысловатой интеллектуальной игры, ради тщательно выписанных героев и ради великолепного стиля.

Chicago Tribune

Дэвид Митчелл — настоящий волшебник.

The Washington Post

Ошеломляющий фейерверк изумительных идей... Каждый новый роман Митчелла глубже, смелее и занимательнее предыдущего. Его

Купити книгу на сайті kniga.biz.ua >>>

проза искрометна, современна и полна жизни. Мало кому из авторов удается так остроумно переплести вымысел с действительностью, объединить глубокомыслие с веселым вздором.

The Times

Митчелл — непревзойденный литературный гипнотизер. Как жаль, что в обычной жизни так редко встречаются изящество и воодушевление, свойственные его романам. Он пишет с блистательной яркостью и необузданным размахом. Воображаемый мир Митчелла радует и внушает надежду.

Daily Telegraph

Митчелл — один из самых бодрящих авторов. Каждый его роман отправляет читателя в увлекательнейшее путешествие.

The Boston Globe

Дэвида Митчелла бесспорно можно назвать самым многогранным и разноплановым среди всех писателей его поколения. Он пишет стильнее Джонатана Франзена, его сюжеты стройнее, чем у Майкла Шейбона, повествование глубже и сложнее, чем у Дженнифер Иган, а мастерством он не уступает Элис Манро...

The Atlantic

Митчелл — прекрасный писатель. Один из секретов его популярности и заслуженной славы заключается в том, что его творчество совмещает неудержимый полет воображения гениального рассказчика с приземленным реализмом истинного гуманиста. Его романы находят отклик у всех, будь то любители традиционного реалистичного повествования, постмодернистского нарратива или фантастических историй.

The New Yorker

Митчелл — писатель даже не глобального, а трансконтинентального, всепланетного масштаба.

New York

Я хочу продолжать писать! Почему по-настоящему хорошие, многообещающие произведения пишут тридцатилетние писатели, которые в свои шестьдесят не всегда могут создать нечто столь же потря-

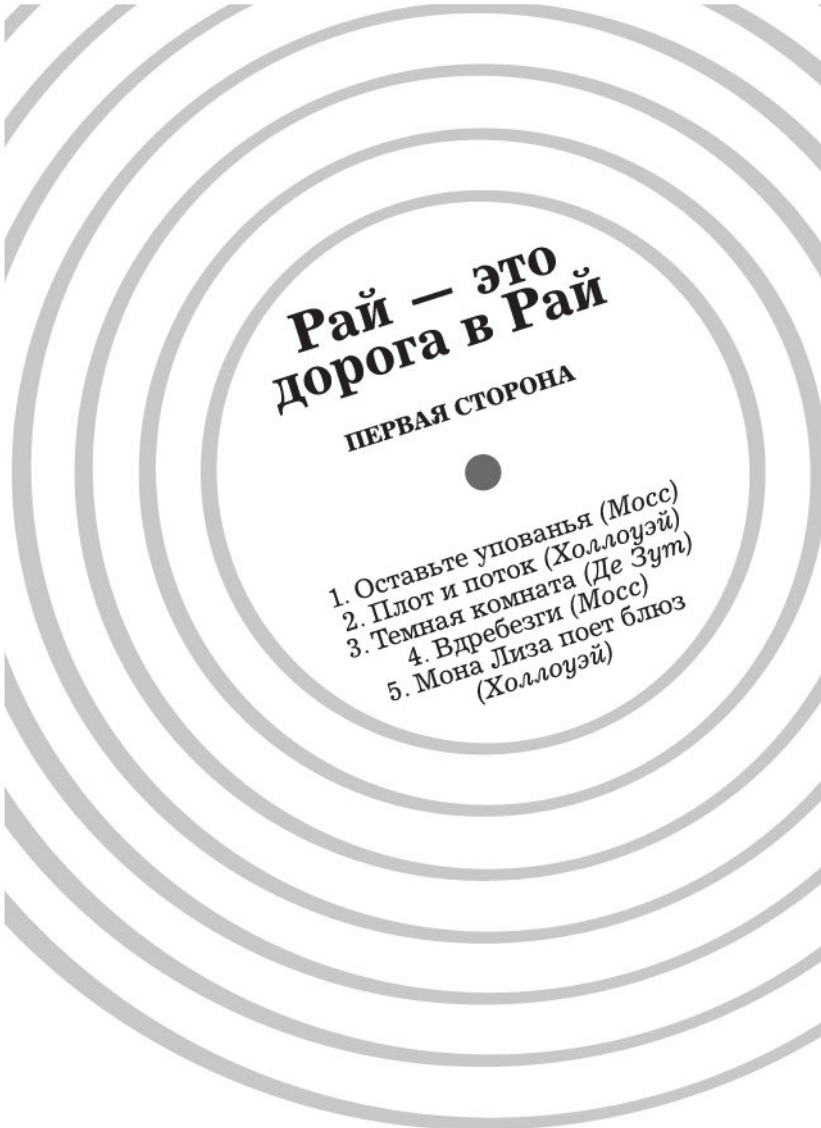
*Вам, Берил и Ника,
за машинок и за годы*

Купити книгу на сайті kniga.biz.ua >>>

Содержание

РАЙ – ЭТО ДОРОГА В РАЙ. Первая сторона	15
Оставьте упования	17
Плот и поток	41
Темная комната	63
Вдребезги	96
Мона Лиза поет блюз	118
РАЙ – ЭТО ДОРОГА В РАЙ. Вторая сторона	141
Свадебный гость	143
Пурпурное пламя	162
Неожиданно	185
Приз	212
ЗАЧАТКИ ЖИЗНИ. Первая сторона	239
Крючок	241
Последний ужин	269
Строители	290
Докажи	315
ЗАЧАТКИ ЖИЗНИ. Вторая сторона	333
Ночной дозор	335
Откати камень	361
Даже пролески... ..	397
Здравый ум	420
Явились не запылились	446
ТРЕТЬЯ ПЛАНЕТА. Первая сторона	471
Отель «Челси» # 939	473
Кто вы	505
Что внутри что внутри	523
Часы	541

ТРЕТЬЯ ПЛАНЕТА. Вторая сторона	565
Здесь я и сам чужой	567
Восемь кубков	598
По тропинкам Дальнего Запада	618
Последние слова	641
Благодарности	652
Примечания	654
От переводчика	699



**Рай — это
дорога в Рай**

ПЕРВАЯ СТОРОНА

1. Оставьте упованья (Мосс)
2. Плот и поток (Холлоуэй)
3. Темная комната (Де Зут)
4. Вдребезги (Мосс)
5. Мона Лиза поет блюз
(Холлоуэй)

Оставьте упования



Дин спешит по Чаринг-Кросс-роуд, мимо театра «Феникс», огибает слепого в темных очках, ступает на мостовую, обгоняя медлительную мамашу с коляской, перепрыгивает через грязную лужу и сворачивает за угол, на Денмарк-стрит, где тут же оскальзывается на черной корке льда. Ноги взмывают к небу. На лету Дин успеваает заметить, как сточная канава и небо меняются местами, и думает: «Черт, больно же будет», но тут тротуар с размаху ударяет по ребрам, по коленке и по лодыжке. Черт, больно-то как. Никто не бросается на помощь. Чертов Лондон. Какой-то биржевой маклер, при бакенбардах и шляпе-котелке, усмежается невезению длинноволосого растяпы и проходит мимо. Дин осторожно встает, не обращая внимания на боль и надеясь, что обошлось без переломов. Мистер Кракси не оплачивает больничных. Так, руки и запястья целы. Деньги. Дин проверяет карман куртки, где покоится чековая книжка с драгоценным грузом — десятью пятифунтовыми банкнотами. Полный порядок. Дин ковыляет дальше. Через дорогу, в кафе «Джоконда», у окна маячит Рик (Один Дубль) Уэйкман. Дину ужасно хочется посидеть с ним за кружкой чая с сигареткой и потрепаться о сейшенах, но утро пятницы — утро платы за комнату, и миссис Невитт громадной паучиной уже обосновалась в гостиной. На этой неделе по деньгам Дин укладывается в обрез. Вчера он наконец-то получил от Рэя банковский ордер и сегодня сорок минут торчал в очереди, чтобы его обналичить, поэтому Дин тащится дальше, мимо музыкального издательства «Линч и Луптон», где мистер Линч сказал ему, что почти все его песни — дрянь, а некоторые — просто фигня. Мимо музыкального агентства Альфа Каммингса, где Альф Каммингс потрепал пухлой

рукой Динову ляжку и шепнул: «Мы оба знаем, что я могу для тебя сделать, а вот что ты, паршивец мой прекрасный, можешь сделать для меня?» — и мимо студии «Пыльная лачуга», где Дин собирался записывать демку с «Броненосцем „Потемкин“», но его погнали из группы.

— Помогите... — Багроволицый тип хватает Дина за лацкан и хрипит: — Я... мне... — Он корчится от боли. — Ох, умираю...

— Спокойно, приятель, сядь вот на ступеньку, переведи дух. Где болит?

Из перекошенного рта капает слюна.

— Грудь давит...

— Ничего, мы... сейчас тебе помогут. — Дин оглядывается, но прохожие спешат мимо, поднимают воротники, сдвигают на лоб кепки, отводят глаза.

Человек повисает на Дине, стонет:

— А-а-ах!

— Дружище, тебе надо «скорую»...

— В чем дело? — К ним подходит какой-то парень, сверстник Дина, с короткой стрижкой и в неприметном дафлките. Он заглядывает в глаза бедолаге, ослабляет ему узел галстука. — Сэр, меня зовут Хопкинс. Я врач. Кивните, если вы поняли.

Несчастный морщится, охает, с трудом кивает.

— Вот и славно. — Хопкинс оборачивается к Дину. — Это ваш отец?

— Не-а, в первый раз вижу. Он жаловался, что ему грудь сдавило.

— Ах грудь... — Хопкинс снимает перчатку, прикладывает пальцы к жилке на шее больного. — Гм. Пульс прерывистый. Сэр? По-моему, у вас сердечный приступ.

Бедолага широко раскрывает глаза и тут же жмурится от боли.

— Тут, в кафе, есть телефон, — говорит Дин. — Я вызову «скорую».

— Она не успеет, — возражает Хопкинс. — На Чаринг-Кросс-роуд жуткие пробки. Вы знаете, как пройти на Фрит-стрит?

— Да, конечно. Там рядом, на Сохо-Сквер, есть больница.

— Совершенно верно. Бегите туда, объясните, что человеку плохо. Сердечный приступ. Скажите, что доктор Хопкинс просит прислать санитаров с носилками к табачной лавке на Денмарк-стрит. Немедленно. Запомнили?

Хопкинс, Денмарк-стрит, носилки.

— Запомнил.

— Отлично. А я пока окажу первую помощь. Ну, бегите что есть ног. Бедняга долго не протянет.

Дин трусцой пересекает Чаринг-Кросс-роуд, сворачивает на Манетт-стрит, сквозит мимо книжного магазина «Фойлз», ныряет под арку и выбегает на Грик-стрит у паба «Геркулесовы столпы». Тело уже не помнит боли недавнего падения. Дин проносится мимо дворников, которые опоражнивают бачки в мусоровоз, мчится по проезжей части к Сохо-Сквер, распугивает голубиную стаю, сворачивает за угол на Фрит-стрит, снова оскальзывается, чудом не падает, взбегаёт по ступенькам на больничное крыльцо и врывается в приемный покой, где санитар читает «Дейли миррор». На первой странице — кричащий заголовок: «ГИБЕЛЬ ДОНАЛЬДА КЭМПБЕЛЛА».

— Я от доктора Хопкинса... — выпаливает Дин. — На Денмарк-стрит... сердечный приступ. Пошлите бригаду с носилками... скорее.

Санитар опускает газету. К усам прилипли хлебные крошки. Он равнодушно глядит на Дина.

— Там человек умирает! — кричит Дин. — Вы слышите?

— Слышу, конечно. Только орать не надо.

— Так пошлите бригаду! Здесь же больница.

Санитар громко фыркает:

— А ты небось только что в банке денег снял. А потом встретился с доктором Хопкинсом.

— Ну да, снял. Пятьдесят фунтов. А что такого?

Санитар смахивает крошки с лацкана:

— Деньги-то на месте, сынок?

— Да. — Дин лезет в карман за чековой книжкой. Ее нет. Не может быть! Он проверяет все карманы куртки. Мимо со скрипом провозят каталку. Какой-то малыш заливается слезами. — Черт. Наверное, выронил.

— Эх, сынок, облапошили тебя.

Дин вспоминает, как краснорожий тип привалился к его груди.

— Нет, что вы... Сердечный приступ. Человек на ногах не стоял.

Он снова шарит по карманам. Денег нет.

— Ну, мне тебя утешить нечем. Пятый случай с ноября. Все больницы в центре Лондона в курсе. На вызов к доктору Хопкинсу

никого не посылают — бесполезное дело. Бригада прибудет, а там никого нет.

— Но они... они... — Дина мутит.

— Что, не похожи на мошенников?

Именно это и хотел сказать Дин.

— А откуда они узнали, что я при деньгах?

— Вот что бы ты сделал, если б хотел разжиться пухлым бумажником?

Дин задумывается. Банк.

— Они видели, как я снимал деньги, поэтому увязались следом.

Санитар надкусывает слойку с мясом:

— Bravo, Шерлок.

— Но... мне же надо заплатить за басуху и... — Дин вспоминает о миссис Невитт. — Черт. И за жилье. Как же я теперь?

— Обратись в полицейский участок, но толку от этого не будет. Для лондонских копов Сохо — огороженная территория с предупредительной надписью: «Входящие, оставьте упования».

— Моя хозяйка хуже фашиста. Она меня выставит с квартиры.

Санитар прихлебывает чай.

— А ты ей объясни, что хотел стать добрым самаритянином. Может, она над тобой сжалится.

Миссис Невитт сидит у высокого окна. В гостиной пахнет сыростью и топленным салом. Камин заколочен досками. Перед квартирной хозяйкой раскрыт грессбух. Постукивают и щелкают вязальные спицы. С потолка свисает люстра, которую никогда не включают. Цветочный орнамент обоев тонет в сумраке джунглей. Из позолоченных рам таращат глаза трое покойных супругов миссис Невитт.

— Доброе утро, миссис Невитт.

— Это кому как, мистер Мосс.

— Я тут... — У Дина пересохло в горле. — Меня обокрали.

Вязальные спицы замирают.

— Печально.

— Не то слово. Я взял в банке деньги за квартиру, а на Денмарк-стрит меня обнесли два карманника. Видели, как я деньги снимал, и увязались следом. Грабеж среди белого дня. В буквальном смысле слова.

— Ай-ай-ай. Вот незадача.

«Решила, что я все вру», — думает Дин.

— Вот не надо было бросать работу в «Бреттоне». У королевских печатников. Приличное место. В приличном районе. В Мэйфере никого не обносят.

«Ага, гнуть спину в „Бреттоне“ — то еще удовольствие», — думает Дин.

— Я же говорил, миссис Невитт, с «Бреттоном» не заладилось.

— Ну, это не моя забота. Моя забота — квартплата. Я так понимаю, вы хотите отсрочки?

Дин переводит дух. С некоторым облегчением.

— Если честно, я был бы очень благодарен.

Она поджимает губы, раздувает ноздри:

— Что ж, один-единственный раз можно и отсрочить.

— Ох, спасибо, миссис Невитт. Вы не представляете, как я...

— До двух часов пополудни. Как вам известно, я женщина покладистая.

«Она надо мной издевается, карга старая!»

— До двух часов пополудни... сегодня?

— Больше чем достаточно, чтобы дойти до банка и вернуться.

И на этот раз деньги никому не показывайте.

Дина бросает в жар, в холод. Мутит.

— У меня на счету пусто, миссис Невитт. А зарплата только в понедельник. Вот тогда я и заплачу.

Квартирная хозяйка дергает шнурок, свисающий с потолка. Берет с письменного стола табличку: «СДАЕТСЯ КОМНАТА — ИРЛАНДЦАМ И ЦВЕТНЫМ НЕ ОБРАЩАТЬСЯ — СПРАШИВАЙТЕ».

— Нет-нет, миссис Невитт. Погодите!

Квартирная хозяйка выставляет табличку в окно.

— И где мне сегодня ночевать?

— Где угодно. Но не здесь.

«Сначала остался без денег, теперь без комнаты».

— Верните мой залог.

— Залог не возвращают жильцам, которые не вносят квартплату вовремя. Правила вывешены в каждой комнате. Я вам не должна ни фартинга.

— Но это же мои деньги, миссис Невитт!

— А в подписанном нами договоре сказано иное.

— У вас во вторник уже будет новый жилец. В крайнем случае в среду. Вы не имеете права присваивать мой залог. Это воровство.

Она возвращается к вязанию:

— Вот я сразу в тебе признала кокни из канавы. Но сказала себе, мол, дай ему шанс. Все-таки королевские печатники не примут на работу абы кого. Ну и рискнула. И что? Из «Бреттона» ты ушел в какую-то поп-группу. Отрастил патлы, как девчонка. Тратишь все деньги на гитары и бог знает на что еще. Ни пенни не отложил. А теперь обвиняешь меня в воровстве. Вот, будет мне наука. Кто в канаве родился, тот там и останется. О, мистер Харрис! — В дверях гостиной появляется сожитель миссис Невитт, отставной солдафон. — Этот... молодой человек нас покидает. Немедленно.

— Ключи, — требует у Дина мистер Харрис. — Оба.

— А мои шмотки? Или вы их тоже присвоите?

— Забирай свои... шмотки, — говорит миссис Невитт, — и выметайся. Все, что после двух часов дня останется в твоей комнате, в три окажется в лавке Армии спасения. Марш отсюда.

— Да ради бога, — бормочет Дин. — Чтoб вы все сдохли.

Миссис Невитт не обращает на него внимания. Спицы щелкают. Мистер Харрис хватается Дина за шиворот, выволакивает его из гостиной.

Дин задыхается:

— Ты меня душишь, сволочь!

Бывший сержант выгалькивает Дина в прихожую:

— Собирай манатки и вали отсюда. А то я тебя не просто придущу, пидорок ты мой сладенький...

Ну хоть работа есть. Дин набивает кофе в портафильтр, вставляет рожок в машину и нажимает на рычаг. Из клапана «Гаджи» вырывается пар. Восьмичасовая смена никак не закончится. Вот не навернулся бы на Денмарк-стрит, не был бы весь в синяках. На улице подмораживает, но в кофейне «Этна» на углу Д'Арблей-стрит и Беруик-стрит тепло, светло и шумно. Студенты и подростки из пригородов болтают, флиртуют, спорят. Здесь собираются моды, перед тем как пойти в клубы, закинуться наркотой и потанцевать. Ухоженные мужчины постарше глазают на гладкокожих юнцов, которые ищут сладкого папика. Менее ухоженные мужчины постарше забегают за кофе, перед тем как пойти на порнофильм

или в бордель. «Тут больше сотни посетителей, — думает Дин, — и у каждого есть жилье». С самого начала смены он надеялся, что в кофейню заглянет кто-нибудь из знакомых, из тех, к кому можно попроситься на ночлег. Но время шло, надежда истончалась, а теперь и вовсе исчезла. Из музыкального автомата вырываются громкие звуки «19th Nervous Breakdown»¹. Дин с Кенни Йервудом как-то разбирали ее аккорды, в счастливые времена «Могильщиков». Из носика «Гаджи» капает кофе, чашка наполняется на две трети. Дин отсоединяет рожок, вытряхивает кофейный жмых в ведро. Мистер Кракси несет мимо лоток с грязной посудой. «Надо бы стрясти с него аванс, — в пятидесятый раз напоминает себе Дин. — Выбора-то нет».

— Мистер Кракси, можно с ва...

Мистер Кракси оборачивается, не замечая Дина:

— Пру, вытри столики у окна! Свинарник развели, мамма миа!

Он снова протискивается мимо, и Дин замечает, что за стойкой, между кофейной машиной и кувшином холодного молока, сидит посетитель. Лет тридцати, интеллигентного вида, залысины, пиджак в мелкую клетку и модные очки — прямоугольная оправа с дымчатыми стеклами. Наверное, голубой. Но в Сохо никогда не угадаешь...

Посетитель отрывается от журнала — «Рекорд уикли» — и без стеснения смотрит на Дина. Морщит лоб, будто пытается вспомнить, кто это. Будь они в пабе, Дин сразу спросил бы: «Че уставился?» Но здесь он отводит глаза, ополаскивает холдер под краном, чувствует, что посетитель все еще глядит на него. «Может, решил, что я на него запал?»

Шерон приносит новый заказ:

— Два эспрессо и две кока-колы, девятый столик.

— Два эспрессо, две кока-колы, девятый столик. Понял. — Дин поворачивается к «Гадже», нажимает кнопку, и в чашку льется молочная пена.

Шерон заходит за барную стойку, наполняет сахарницу:

— Извини, честное слово, но у меня никак нельзя. Даже на полу.

— Ничего страшного. — Дин посыпает молочную пену какао-порошком и ставит капучино на стойку, для Пру. — Это ты меня извини, нахальство с моей стороны тебя просить.

¹ «Девятнадцатый нервный срыв» (англ.).

— Понимаешь, у меня хозяйка — помесь кагэбэшницы с настоятельницей монастыря. Если б я попыталась тебя украдкой провести, она подстерегла бы нас и разоралась, что, мол, тут приличный дом, а не бордель. И выгнала бы обоих.

Дин наполняет рожок кофе, смолотым для эспрессо:

— Понятно. Ладно, тут уж ничего не поделаешь.

— Но ты ж не будешь ночевать под мостом?

— Нет, конечно. Обзвоню народ.

Шерон облегченно вздыхает и говорит, призывно качнув бедрами:

— В таком случае я рада, что ты меня первую спросил. Я для тебя что хочешь сделаю.

Милая толстуха с близко посаженными изюминками глаз на рыхлом, опаристом лице совершенно не привлекает Дина, но... В любви и на войне все средства хороши.

— Слушай, а ты не одолжишь мне денег? До понедельника? Я отдам, с полочки.

Шерон мнется:

— А что мне за это будет?

«Она еще и кокетничает...»

Дин изображает свою фирменную полуулыбочку, открывает бутылку кока-колы:

— Как только разбогатею, выплачу тебе обалденный процент.

Она сияет от удовольствия, а Дин чувствует себя виноватым.

— Может, шиллинг-другой в сумочке и найдется. Только не забывай меня, как станешь поп-звездой и миллионером.

— Эй, пятнадцатый столик ждет заказ! — кричит мистер Краси на своем сицилийском кокни. — Три горячих шоколада! С маршмеллоу. Пошевеливайтесь!

— Три горячих шоколада! — отзывается Дин.

Шерон подхватывает сахарницу и уходит. Пру берет со стойки капучино, уносит к восьмому столику, а Дин накаливает листок с заказом на штырь. Штырь заполнен на две трети. Мистер Краси должен быть в хорошем настроении. Иначе дело швах. Дин начинает делать эспрессо для девятого столика. «Стоунзов» сменяет «Sunshine Superman»¹ Донована. «Гаджа» шипит паром. Интересно, Шеронови шиллинг-другой — это сколько? Вряд ли хватит на

¹ «Солнечный Супермен» (англ.).